

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841113-1125>

Исследовательская статья

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева
д.и.н, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии Кавказа
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Санкт-Петербург.
albmasc@mail.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ Ф.И. ГОРЕПЕКИНА

Аннотация. В статье приводятся малоизвестные детали из жизни исследователя письменности, фольклора и этнографии ингушского и чеченского народа – Фомы Ивановича Горепекина. С опорой на письменные источники, документы архивных фондов и материалы семейного архива Горепекиных мы решили прояснить некоторые детали его биографии: происхождение, точные даты жизни и смерти, сведения о награждениях и «разоблачениях» и т.д. Автором уже была проведена работа по сбору материала и публикации статей, а также подготовлено факсимильное издание его трудов в 2006 г. Однако других исследований, касающихся научной деятельности Ф.И. Горепекина, в отечественной историографии не предпринималось, чем и обусловлена актуальность данной публикации. Вновь открывшиеся факты дают возможность развеять некоторые мифы, связанные с его жизненным путем и научными интересами. Часть материалов, вошедших в эту статью, впервые вводится в научный оборот и проливает свет на малоизвестные страницы жизни исследователя. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с его научными изысканиями и негативными оценками академика Н.Я. Марра и его коллег. В указанный период была сильна теория Н.Я. Марра, и на его фоне работы малоизвестного кавказоведа из Владикавказа вызывали только досаду и раздражение. Трудам Ф.И. Горепекина не придавалось должного внимания сотрудниками Яфетического института, которым в качестве экспертов автор пересылал их для оценки. Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, чем были обоснованы их претензии и с чем была связана негативная оценка его трудов. Ввод в научный оборот новых данных о Ф.И. Горепекине позволяет увидеть, как политика и власть могли рушить судьбы исследователей, не считаясь с их реальным вкладом в науку. Биография Фомы Ивановича позволяет дать взвешенную характеристику того периода через судьбу ученого.

В работе над статьей использован метод биографического исследования.

Ключевые слова: Ф.И. Горепекин; Н.Я. Марр; история; этнография; краеведение; Кавказ; ингуши; чеченцы.

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Малоизвестные страницы жизни Ф.И. Горепекина // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841113-1125

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841113-1125>

Research paper

Makka S.-G. Albogachieva,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Dep. of Ethnography of the Caucasus,
Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, St. Petersburg, Russia
albmac@mail.ru

LITTLE-KNOWN PAGES OF THE BIOGRAPHY OF F.I. GOREPEKIN

Abstract. The article provides little-known details from the life of the researcher of writing systems, folklore and ethnography of the Ingush people – Foma Ivanovich Gorepekin. Based on the available sources, documents of archival fonds and materials of the Gorepekin family archive, the author attempts to clarify some gaps in his biography: origin, exact dates of life and death, information about awards and “exposures”, etc. The author has already carried out work on collecting material and publishing articles, as well as a published a facsimile of his works in 2006. However, there have been no other studies of F.I. Gorepekin’s scientific work in Russian historiography, which explains the relevance of our study. The newly discovered facts provide an opportunity to dispel some myths related to his life path and his academic interests. Some of the materials included in this article are first introduced into scientific circulation and shed light on many little-known pages of the researcher’s life. We pay special attention to issues related to his scientific research and negative assessments by academician N.Ya. Marr and his colleagues. During this period, the theory of N. Ya. Marr was strong, and in this context, the work of a little-known Caucasian scholar from Vladikavkaz caused only annoyance and irritation. The works of F.I. Gorepekin were not given due attention by the staff of the Japhetic Institute, to whom they were sent for expert assessment. Analysis of the material allows us to conclude about the reasons for their claims and negative assessment of his works. The introduction of original details about F.I. Gorepekin allows us to see how politics and power could ruin the fates of researchers, regardless of their real contribution to science. The biography of Foma Ivanovich provides a balanced characterization of that period through the fate of one individual.

During the study, the method of biographical research was applied.

Keywords: F.I. Gorepekin; N.Ya. Marr; history; ethnography; archaeology; local history; Caucasus; Ingush; Chechens.

For citation: Albogachieva M.S.-G. Little-known pages of the biography of F.I. Gorepekin. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841113-1125

Ф.И. Горепекин 1926 г. Эссентуки. Фото В.М. Чугуевского

F.I. Gorepekin. 1926, Essentuki. Photo by V.M. Chuguevsky

Фома Иванович Горепекин (07.07.1868 – 04.01.1943) – из числа этнографов, труды которых были незаслуженно забыты. Согласно автобиографии, написанной в 1929 г., он родился в станице Эссентукской 7 июля 1874 г. в семье станичного учителя Горепекина Ивана Петровича и дворянки Мигузовой Натальи Алексеевны.

В материалах Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук имеется его биография, из которой следует, что в 1891 г. Фома Иванович закончил Владикавказское 4-классное городское Николаевское училище, но, так как высших учебных заведений в Терской области не было, в 1893 г. поступает в Тифлисский учительский институт. Из-за отсутствия средств был вынужден вернуться домой. С открытием Владикавказского лесного училища в 1894 г. он в числе первых был зачислен и через два с половиной года; когда ему уже было 22 года, окончил его и работал на различных должностях по лесному хозяйству [1, с. 126]. Сразу после окончания учебы Ф.И. Горепекин начал активную общественную и научную жизнь.

В конце XIX в. общий уровень образования жителей многонационального Владикавказа был очень низким. Местное общество выступило с инициативой открыть

воскресную школу «грамотности» для всех желающих. Она открылась в 1896 г. В ней обучались и взрослые, и дети. Одним из учителей школы стал Ф.И. Горепекин¹. Несколько позднее во Владикавказе при его личном участии была образована общественная библиотека. Он был и одним из инициаторов создания Терского областного музея и лично участвовал в сборе пожертвований на постройку здания. В последующие 18 лет Фома Иванович действительный и почетный член Терского статистического комитета — единственного учреждения в области, который вел научно-исследовательскую деятельность в крае. По поручению Областного статистического комитета Ф.И. Горепекин составил план Владикавказе и карту расположения горных курганов и древностей Терской области. Он состоял членом горного клуба во Владикавказе, по инициативе которого Горепекиным был создан путеводитель «По горам Терской области»².

Однако самую значительную часть своей жизни Ф.И. Горепекин посвятил изучению ингушского и чеченского народов. На основании собранных материалов он написал множество работ по языкознанию, религии, фольклору, общей культуре народов Кавказа, археологии, географии, истории (одиннадцать рукописных томов).

Его огромный вклад в изучение ингушского народа еще при жизни получил высокое признание среди исследователей-кавказоведов. К его работам обращались Башир Керимович Далгат — кавказовед, этнограф, внесший огромный вклад в изучение ингушского народа, его дочь У. Далгат — фольклорист, кавказовед; Жантиева Диляра Гиреевна — литературовед, переводчик, доктор филологических наук; Николай Феофанович Яковлев — советский лингвист-кавказовед, специалист по теоретической и прикладной лингвистике; Анатолий Несторович Генко — российский и советский языковед, кавказовед, историк, этнограф; Николай Михайлович Дрягин — лингвист, кавказовед, и др.

Признание было и со стороны власти. В августе 1918 г. его рукописные труды «были переданы для обозрения и доклада на Съезде депутатов от всех Северо-Кавказских горских народов, комиссару и председателю Терской республики Ю. Пашковскому и комиссару народного просвещения Якову Маркусу. Заслушав представленные документы, депутаты в числе 60 человек удостоили Горепекина Ф.И. почетным званием «Нахаа-сидар», т.е. «просветитель ингушей». После заседания в городе начались волнения, которые продолжались в течение 13 дней, и рукописные документы, переходя из рук в руки, были найдены автором лишь в 1920 г. [1, с. 127–128].

В 1922 г. за первый алфавит, букварь и энциклопедический словарь (пять тысяч слов) власти Горской республики выдали Ф.И. Горепекину премию в размере 1500 рублей золотом и приняли букварь к изданию. С переходом на латинизацию издание этого букваря было отложено.

К сожалению, при жизни Фомы Ивановича были опубликованы только несколько его работ: путеводитель «По горам Терской области» (1910) — уникальное издание, предназначенное как для туристов, интересовавшихся кавказским краем, так и для ученых: он считал, что составленные им туристические маршруты привлекут внимание антропологов и археологов, так как в нем даны подробные комментарии по топонимике, археологии, древностям края; статья «Мага-Ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей).³ В статье подробно рассматривается сам культ божества Ма-

1. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 34.

2. ПФА РАНФ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 36.

3. Горепекин Ф.И. «Мага-ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей) // Терские ведомости. 1909. № 81, 82, 84, 86.

га-Ерда и все ритуалы, связанные с ним. Детально расписано празднование, которое проходило два раза в году – в период зимнего и летнего солнцестояния – в горном ингушском селении Салги. Сведения, приведенные в статье Ф.И. Горепекина, проливают свет на древние языческие верования ингушей, которые после окончательного принятия ислама полностью были изжиты. Материал, которым мы располагаем благодаря Ф.И. Горепекину, дает нам знания о жизни ингушского народа в недалеком прошлом. Ценность данной работы – в подробном обзоре всех этапов праздника и его значения для ингушского общества рассматриваемого периода. В этом контексте хочется подчеркнуть, что многие материалы по ингушскому языку, истории и этнографии народа достаточно хорошо освещены в трудах Ф.И. Горепекина. Его труды вызвали заслуженный интерес коллег и единомышленников. Некоторые его рукописи хранились в архиве Краевого горского научно-исследовательского института в Ростове-на-Дону, но во время Великой Отечественной войны почти весь архив погиб [2, с. 131]. В связи с этим, указанные материалы оказались утраченными. Но об их существовании свидетельствуют материалы статьи Д.Г. Жантиевой «О героическом эпосе горцев Северного Кавказа» [3, с. 118], которая была написана в рамках исследований, связанных с периодом ее обучения (1927–1931) в аспирантуре Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова. В своей статье Д.Г. Жантиева ссылается на одну из его работ – *Горепекин. Ингуши Т.VI. кн.2. рукопись*. Сделав анализ работ Ф.И. Горепекина, она посчитала их серьезным научным источником и использовала в своих исследованиях.

Позже на работы Ф.И. Горепекина в своих публикациях также во многом опирался Н.Ф. Яковлев, что подтверждают материалы, хранящиеся в фонде Н.Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук⁴. Кавказовед и лингвист Дрягин Николай Михайлович в статье «Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммечь в свете яфетической теории», опубликованной в 1930 г. в шестом выпуске Яфетического сборника, пишет «*Богатые материалы, собранные скромным, неутомимым краеведом Ф.И. Горепекиным, к сожалению, не опубликованы, и были представлены в Яфетический институт в 1925 г. в виде рукописи. У автора настоящей статьи имеется личное разрешение собирателя ссылаться на собранные им материалы*» [4, с. 24].

Выявленные нами и опубликованные в 2006 г. архивные материалы позволяют судить о ценности сохранившихся благодаря Горепекину сведений о языке и письменности, о фольклоре ингушского народа и его истории. В их основе – анализ работ его предшественников. Отмечены слабые и сильные, с его точки зрения, стороны исследуемого аспекта, будь то язык, история, этнография, фольклорные материалы. Полевой материал позволяет дать взвешенную оценку его работам. Здесь же отметим, что фольклорные материалы, касающиеся Нартского эпоса, являются наиболее цитируемыми и до настоящего времени. Напомним, что Горепекиным была составлена первая ингушская азбука.

В начале 1930-х гг. в жизни ученого наступили трудные времена. Фома Иванович был вынужден уехать из Владикавказа в Ессентуки. Марина Евгеньевна Бурина (Чугуевская), правнучка Фомы Ивановича, сообщила, что из рассказов отца она помнит, что Горепекин стал испытывать притеснения со стороны властей, как в научной, так и в частной жизни, вследствие чего Фома Иванович с семьей спешно уехал из Влади-

4. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574.

Кавказа в Ессентуки. Но, даже вернувшись на родину, он продолжал скрывать свое местонахождение, боясь за близких, так как многие родственники были отнесены к категории неблагонадежных, часть расстреляна, часть сослана⁵.

После переезда жизнь Фомы Ивановича изменилась. Политика новой власти и меняющиеся идеологические установки очень сильно повлияли не только на здоровье ученого, но и на его творческий потенциал. Он не стал писать новые работы и жил в семье младшей дочери Татьяны. Человеку с его интеллектуальным потенциалом и жизненной энергией было трудно ощущать свою ненужность для общества. Его труды были преданы забвению. В конце жизни он писал в Академию наук и центральные правительственные органы СССР письма с надеждой, что ему окажут полное содействие в издании работ. Его просьбы не были услышаны, в последние годы жизни он ослеп. Не имея пенсии, Горепекин был очень подавлен, его очень огорчало и угнетало осознание того, что всю свою сознательную жизнь он работал и обеспечивал и себя, и семью, а в преклонном возрасте остался без собственных средств к существованию. Фома Иванович умер 4 января 1943 г. и похоронен в г. Ессентуки.

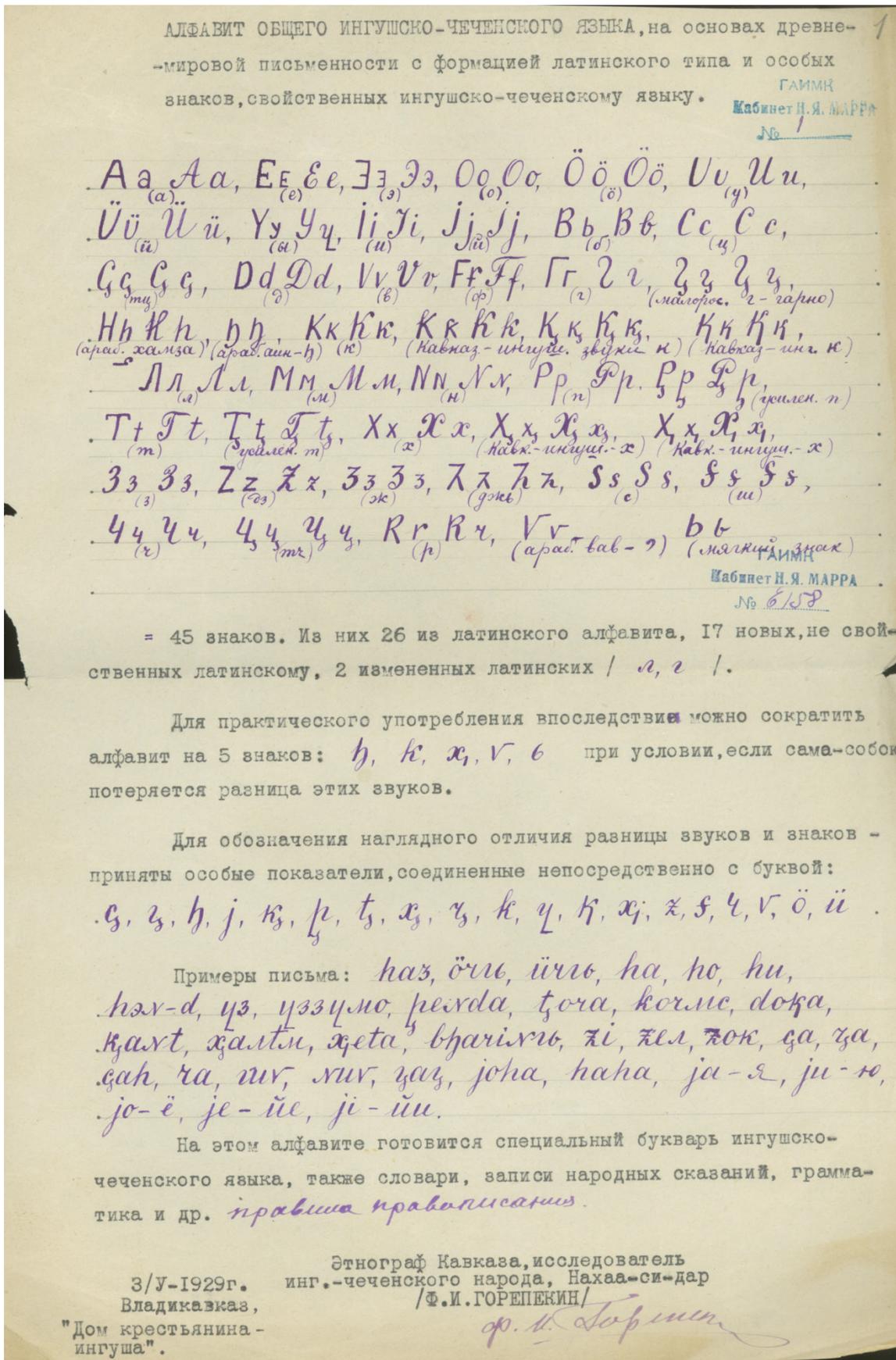
Жизнь и творческий путь ученого в силу разных причин до сих пор остаются не до конца изученными и исследованными. Новые факты из жизни Фомы Ивановича стали известны в 2020 г. Прочитав статью в «Этнографическом обозрении», праправнучка Фомы Ивановича Дарина Александровна Бурина связалась с автором статьи. С этого времени начинается новый виток в истории изучения биографии Ф.И. Горепекина. Дарина сообщила, что в Санкт-Петербурге живет ее мама, правнучка Горепекина, Марина Евгеньевна Бурина. Ее отец был сыном дочери Фомы Ивановича Татьяны. Фома Иванович был женат на Поляковой Софье Григорьевне – девушке из состоятельной дворянской семьи. У них родилось семеро детей, трое из которых умерли в детском возрасте, осталось четверо: Валентина, Владимир, Лидия, Татьяна. Именно благодаря внучке Татьяны Марине нам открылись новые факты из жизни ученого.

Мы впервые публикуем его фотографию и несколько документов из семейного архива Горепекиных. Нам также стало известно, что Фома Иванович в автобиографии в 1929 г. скрыл информацию о точной дате рождения (07.07.1868), своем происхождении и образовании. Имеющиеся материалы семейного архива свидетельствуют о том, что Ф.И. Горепекин происходит из казачьего сословия. Дед Фомы Ивановича Петр был войсковым старшиной, а его брат Михаил — атаманом станицы Ессентукской, влиятельным человеком [5, с. 625]. Ему принадлежал дом в центре станицы, в котором в настоящее время находится администрация города Ессентуки⁶. Мать и жена Фомы Ивановича принадлежали к дворянскому сословию и были весьма образованными женщинами. В рассматриваемый период было небезопасно писать о происхождении своей семьи, тем более, от политических репрессий уже погибли близкие родственники. Понимая степень угрозы, нависшей над семьей, он скрыл и некоторые факты своей жизни.

Со слов его потомков, Ф.И. Горепекин учился в университете в Тарту, на факультете естествознания. В 1893–1918 гг. университет назывался Юрьевским, преподавание велось на русском языке [6, с. 858]. К сожалению, мы не располагаем документами, подтверждающими эту информацию, но данные архива свидетельствуют о том, что после окончания Лесного училища во Владикавказе все последующие 23 года он

5. Расстреляны, раскулачены, высланы в ссылку. Электронный ресурс: <http://combcossack.opk.me/viewtopic.php?id=787> (дата обращения 23.03.2022).

6. Администрация города Ессентуки. Электронный ресурс: yandex.ru/maps/org/administratsiya_goroda_yessentuki_otdel_priyema_grazhdan/24458989732/?ll=42.858119%2C44.046988&z=15 (дата обращения 12.03.2022)

Ингушский алфавит, составленный Ф.И. Горепекиным // ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 1

Ingush alphabet compiled by F.I. Gorepekin // PFA RAS. F.800. Inv. 6. File 574. L. 1

проработал на различных должностях по лесной службе в Терской области, начав с помощника лесничего и дослужившись до ревизора лесов Горской республики. Архивные данные, которые мы имеем, и его письма в Академию наук подтверждают то, что он многие годы был членом-корреспондентом Тифлисского и Юрьевского ботанических садов. Учитывая удаленность Владикавказа от Тарту, можно предположить, что если бы он не был известен в кругах ботаников Тарту, то его и не смогли бы пригласить на указанную должность. В тот исторический период шло тесное взаимодействие между Тифлиским и Юрьевским ботаническими садами. Кавказская флора занимала важное место в исследованиях ученых.

В биографии Ф.И. Горепекина еще остается много «белых» пятен, но часть вопросов удалось снять, благодаря копиям документов, переданных нам М.Е. Буриной. Среди фотографий и бумаг есть удостоверение, что в 1928 г. Ф.И. Горепекин являлся ученым сотрудником общества краеведения при Чеченском отделе народного образования.

Удостоверение Ф.И. Горепекина о службе
в Чеченском отделе образования // Личный архив Горепекиных

Certificate from the Gorepekina's personal archive

Как известно, на том историческом этапе шло становление и укрепление советской власти в регионах. Активизировалась деятельность северокавказских краевых научно-исследовательских учреждений по этнографическому изучению горцев края [7, с. 12]. В национальных окраинах страны существовала острая нехватка квалифицированных научных кадров. В связи с этим туда приглашались специалисты, имевшие

опыт работы. В числе их был и Фома Иванович⁷.

Другой документ от 16 июня 1927 г. свидетельствует о том, что он был приглашен на работу в Северо-Кавказский Краевой Горский Научно-исследовательский институт в Ростове-на-Дону:

«Правление просит Вас сотрудничать в исследованиях Института, которые Институт предполагает периодически выпускать в ближайшем будущем отдельными книжками. Печатные статьи изданий Института оплачиваются из расчета 100 рублей за печатный лист оригинальных работ. В случае согласия Вашего с нашими предложениями, а также согласия других научных работников, которых Вы можете указать, Правление просит Вас и упомянутых выше работников выполнить прилагаемую при сем в 2-х экземплярах анкету и прислать ее в Институт.

*С товарищеским приветом заместитель директора Научно-Исследовательского Института – В.Н. Вершковский и др.»*⁸

Создание такого учебного заведения было продиктовано нуждами нового времени. После укрепления советской власти перед государством стала задача по организации научно-образовательной и культурной работы. Для этого были нужны специалисты, способные решать вопросы культурного строительства. Возникла острая необходимость в профессионалах для подготовки молодых кадров научных работников. Полное организационное оформление Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения получил в марте-апреле 1927 г. с местом нахождения в Ростове-на-Дону. Институт был организован с целью изучения естественно-экономического положения, этнографии, истории, языка, литературы и национальных культур народов Северного Кавказа. Занимался он и подготовкой научных работников, организацией краеведческого дела на местах и разрешал ряд других научно-исследовательских задач⁹. К сожалению, мы не имеем сведений, касающихся работы Ф.И. Горепекина или сотрудничества с институтом. Можем только предположить, что он работал в указанном учреждении.

Вместе с тем нам известно, что уже в 1929 г. он находился в острой материальной нужде и был слаб здоровьем. Это заставило его писать письма в различные учреждения Академии наук СССР с просьбой назначить ему пенсию. Он отправил письма с одинаковым текстом в несколько учреждений страны – в Музей антропологии и этнографии академику Е.Ф. Карскому (ПФА РАН) и Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК). Известно, что с работами Ф.И. Горепекина были знакомы и в других академических структурах. Так, в опубликованных Трудах Института лингвистических исследований РАН есть упоминание о работах Ф.И. Горепекина: «Протокол №3 заседания Совета Института от 21 марта 1925 г. «Н.Я. Марр передал рукописные материалы Ф.И. Горепекина по северо-кавказским и кельтским параллелям и по ингушскому языку. Отзыв по этим работам был дан ингушеведом А.Н. Генко» [8, с. 125]. К сожалению, мы не располагаем текстом отзыва и поэтому не можем судить, о чем шла речь в этом документе. Вместе с тем думается, что разносторонние знания А.Н. Генко об ингушах позволили ему дать объективную оценку трудам Ф.И. Горепекина.

Письма, адресованные в Музей антропологии и этнографии, были обнаружены и

7. ПФА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 64.

8. Личный архив Горепекиных.

9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–30.

введены в научный оборот [9], а письма в ГАИМК не были известны. Поиск материалов продолжается, и в этом нам помогают наши коллеги. Так, самой последней была находка научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН Ольги Владимировны Григорьевой. В фондах архива она обнаружила список работ и биографические сведения о жизни Ф.И. Горепекина и письмо выдающегося археолога, этнографа и музееведа Александра Александровича Миллера, касающееся трудов Ф.И. Горепекина. А.А.Миллер с 1918 г. был членом Археологической Комиссии, а с 13 августа 1919 г. – членом РАИМК (ГАИМК), где занимал различные руководящие должности. Он возглавлял постоянно действовавшее подразделение ГАИМК – Северо-Кавказскую экспедицию, которая стала «ведущей школой полевой и кабинетной работы в отечественной археологии 1920-х – начала 1930-х годов» [10, с. 8–9]. Видимо, именно этим и был обусловлен выбор Фомы Ивановича, решившего написать письмо в именно ГАИМК, считая, что его сотрудники в состоянии дать объективную оценку его трудам. Но произошло обратное. А.А. Миллер писал:

«Возвращая просмотренный мною трудовой список т[оварища] Горепекина, я нахожу желательным непосредственное ознакомление кого-либо из компетентных лиц с его рукописями, которые в трудовом списке поименованы преимущественно лишь по заглавиям. Мне лично сделать это в текущем году не представится возможным, т.к. во Владикавказе летом я быть не предполагаю.

Общее впечатление, какое производит трудовой список — можно считать определенно отрицательным, по крайней мере в части широких обобщений и научных гипотез, не говоря уже о ряде совершенно абсурдных утверждений. Однако весьма возможно, что в части фактического материала рукописи в некоторой их части и могут представить интерес.

Тем не менее, учитывая, что Горепекин долгое время работал в крае как исследователь и в настоящее время, по-видимому, находится в крайней нужде, очень было бы желательным по ознакомлению с рукописями возбудить ходатайство об обеспечении этого краеведа пожизненной пенсией.

А. Миллер 10 июля 1930 г.»¹⁰.

Пенсия, со слов его потомков, не была назначена, и он с супругой так и продолжал жить в семье дочери Татьяны.

В своем письме в 1929 г. он, в частности, писал: *«Я, как автор оглашаемых трудов, выражаю надежду, что центральные правительственные органы СССР окажут полное содействие к осуществлению издания представленных работ, также найдется всесторонняя поддержка развития интереса у научных работников СССР к продолжению всесторонних этнографических и археологических работ на Кавказе, равно также, чтобы я лично, до конца своей жизни, при обеспечении правительства, перестал быть голодным и нашел бы возможность жить и работать дальше на пользу науке, на культурное благо ингушского народа, т.е. того народа, кому были отданы мои лучшие силы, мысли, здоровье и радости жизни и кого я, с момента оглашения сего, выдвигаю в глазах всего мира из ничтожества и бесславия на сцену мировой известности и славы, как осколка общих предков народов белой расы».*

*Этнограф, археолог, краевед Кавказа,
исследователь ингушско-чеченского*

10. НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 115. Л. 52.

*народа, просветитель этого народа
«Нахаа сидар» Ф.И. Горепекин»¹¹.*

Цитируемое письмо из МАЭ препроводили директору Яфетического института академику Н.Я. Марру, который наложил на рукопись следующую резолюцию:

«Ф.И. Горепекин не имеет и не может иметь ничего общего ни с Н.Я. Марром, ни с руководимым им Яфетическим институтом... Потому-то, надо думать, и неправильно, по недоразумению нам пересланная записка в МАЭ, ныне возвращается. Директор Яфетического института академик Н.Я. Марр.» [9, с. 8].

Миллер, как и Марр, дал весьма критическую оценку трудам Ф.И. Горепекина. Можно предположить, что это было связано и с тем, что в тот период академик Марр имел очень большую поддержку со стороны не только научной элиты страны. Некоторые его теории признавались как государственно важные и укладывались в канву общей политики. И.В. Сталин на XVI съезде ВКП(б) выступил с речью, в которой содержались и некоторые положения теории Н.Я. Марра, что сыграло решающую роль в канонизации его учения. Теория Н.Я. Марра занимала видное положение в советской лингвистике, несмотря на критику зарубежных ученых, считавших ее несостоятельной. Многие советские ученые из-за идеологических установок и страха за свое будущее вынуждены были соглашаться с существующим положением дел. Но были и те, кто считал теорию несостоятельной. К числу последних относится и Ф.И. Горепекин. В своем письме в Академию наук в 1929 г. он дал отрицательную оценку трудам Н.Я. Марра: «Вопрос об яфетидах отпал еще в 1918 г., когда выявилась сумма его результатов исследований на Кавказе, а вследствие этого и необходимости в теории академика Марра» [9, с. 18].

Естественно, Марр не мог согласиться с доводами провинциального ученого, который его критиковал. В то время Марр был одной из самых влиятельных фигур в советской науке, вице-президентом АН СССР, директором двух крупных академических институтов, членом ВЦИК и ВЦСПС, обладателем многих других должностей [11, с. 498]. Нам представляется, что именно критика Ф.И. Горепекина в адрес Н.Я. Марра в последующем и стала причиной гонения и необъективности в оценке его трудов. Он был несправедливо забыт.

Здесь же заметим, что видный советский лингвист Е.Д. Поливанов выступил с критическим докладом в отношении теории Марра, после которого он был арестован и расстрелян. Подобная участь постигла и других противников Н.Я. Марра — Г.К. Данилова, В.Б. Аптекаря, С.Н. Быковского и др.¹²

Безусловно, не все идеи Ф.И. Горепекина имели твердую доказательную базу. Между тем в то время это было достаточно распространенным явлением. Свидетельством тому является и сама теория Марра. Крупнейший специалист по истории отечественного языкознания Владимир Михайлович Алпатов пишет: «"Новое учение о языке" было научным мифом, потому что родилось из научных штудий конкретного ученого, который начал трактовать свои отдельные наблюдения расширительно и некритически; оно претендовало на полную замену прежней парадигмы («индоевропейской лингвистики»)» [12, с. 26].

Теория Н.Я. Марра не выдерживает конструктивной критики, так как не подкре-

11. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 17 об.

12. В.М. Алпатов. Марр, марризм, сталинизм. Электронный ресурс: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm>. (дата обращения 12.03.2021)

плена конкретными данными. Многие ученые-лингвисты считают, что яфетическая теория Н.Я. Марра и созданный им Яфетический институт затормозили развитие советской лингвистики. Вместе с тем Н.Я. Марр долгое время был признанным ученым.

Однако вернемся к Горепекину. Материалы, которые удалось найти в различных источниках, не являются полноценной частью его профессиональной биографии. Неизвестна судьба его работ, которые в 1918 г. были представлены депутатам съезда и которым была дана высокая оценка. Об их существовании можно судить только по перечню, которым мы располагаем. Среди архивных документов, выявленных нами, есть материалы о том, что Представитель Лондонской Королевской Академии, сэр Ричмонд, занимавшийся изучением языков арийского корня на Кавказе, был знаком с трудами Горепекина. Он писал: «Его попытки обращения за помощью к правящей власти в крае не нашли сочувствия, автор все же продолжал работать не покладая рук, и работа его носит академический характер. Эти обстоятельства побуждают автора пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию, а не печатать их на родине. Труды автора занимают до 6-ти тысяч писанных страниц и отчасти потребуют специального ингушского печатного шрифта»¹³. Поиск в зарубежных архивах ведется, однако до настоящего времени пересланные материалы не обнаружены.

Ф.И. Горепекин был пытливым исследователем и хорошим знатоком быта народов Кавказа. Безусловно, его идеи были не всегда поняты и поддержаны его современниками, но в них много полезного и интересного даже для современных исследователей.

В заключении отметим, что изучая и анализируя жизнь ученого, мы видим, как он был предан своей профессии и любил край и народы, в окружении которых он провел многие годы своего творческого пути. Введенные Ф.И. Горепекиным в научный оборот материалы об ингушах и сегодня занимают значимое место в ингушеведении.

Он писал свои труды в очень тяжелый исторический период, когда политические репрессии решали судьбу многих исследований и ученых. Читая работу «Репрессированные этнографы», понимаешь, насколько трудно было заниматься научными изысканиями в то непростое время. Возможно, труды Ф.И. Горепекина были бы более востребованными и растиражированными, если бы он был сторонником академика Н.Я. Марра, который на том историческом этапе был признанным ученым, а все, кто прямо или косвенно критиковал его позицию, были подвергнуты остракизму или физическому уничтожению.

Ввод в научный оборот новых данных о Ф.И. Горепекине позволяет увидеть, как политика и власть могли рушить судьбы исследователей, не считаясь с их реальным вкладом в науку. Биография Фомы Ивановича позволяет дать взвешенную характеристику того периода через судьбу личности.

13. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 154. Л. 6–60б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Албогачиева М.С.-Г. Печальник ингушского народа: Фома Иванович Горепекин (1874–?) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 126–130.
2. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. 469 с.
3. Жантиева Д.Г. О героическом эпосе горцев Северо-Кавказа // Записки Северо-Кавказского краевого Горского НИИ (Ростов н/Д.). 1929. Т. 2. С. 333–335.
4. Дрягин Н.М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммеч в свете яфетической теории // Яфетический сборник. 1930. В. 6. С.18–34
5. Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011. Т. 2. 730 с.
6. Чурилов Л.П. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории Отечественной науки: международная сокровищница знаний // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11. № 2. С. 855–889.
7. Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012. 410 с.
8. Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А.Н. Анфертьева. СПб.: Наука, 2013. 438 с.
9. Труды Фомы Ивановича Горепекина / Составитель. М.С.-Г. Албогачиева. СПб.: Ладога, 2006. 173 с.
10. Решетов А.М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 8–16.
11. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, 3 изд., М. – Л., 1949. с. 498
12. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. 2004. 288 с.

1. Albogachieva MS-G. Foma Ivanovich Gorepekin: the sympathizer of the Ingush people. *Etnograficeskoe Obozrenie*. 2004, 3: 126-130. (In Russ.)
2. Dalgat UB. *The heroic epic of the Chechens and Ingush*. Moscow, 1972. (In Russ.)
3. Zhantieva DG. On the heroic epic of the highlanders of the North Caucasus. In: *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo Gorskogo NII* (Rostov-na-Donu). 1929, 2: 333-335. (In Russ.)
4. Driagin NM. Analysis of several Karachay legends about the struggle of the Narts with the emmech in the light of the Japhetic theory. *Yafeticheskii sbornik*. 1930, 6: 18-34. (In Russ.)
5. Caucasian Mineralnye Vody in descriptions, essays and studies for 200 years. Vol. 2. *Anthology*: in 3 vol. Prof. V.A. Shapovalova, Prof. K.E. Shtain (eds.). Stavropol: Stavropol State University Press. 2011, Vol. 2. (In Russ.)
6. Churilov LP. Derptsky (Yuryevsky, Tartu) University in the History of National Science: International Treasury of Knowledge. *Zdorovyie - osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*. 2016, 11(2): 855–889. (In Russ.)
7. Elbuzdukaeva TU. *Culture of Chechnya: 20th century*. Grozny: AN ChR Publ., 2012. (In Russ.)
8. *Acta linguistica petropolitana*. Proceedings of the Institute of Linguistics of RAS. N.N. Kazanskiy (ed.). Vol. IX. Part 1. Materials to the history of ILI RAN (1921-1934). A.N. Anferteva (comp.). Saint-Petersburg: Nauka, 2013. (In Russ.)
9. *Works of Foma Ivanovich Gorepekin* M.S.-G. Albogachieva (comp.). St. Peterburg: Ladoga, 2006. (In Russ.)
10. Reshetov AM. Alexander Alexandrovich Miller - an outstanding archaeologist, ethnographer and museologist. In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Nalchik; Omsk: OmGPU Press, 2001: 8-16. (In Russ.)
11. Mikhankova VA. *Nikolai Yakovlevich Marr. Essay on his life and scientific activity*. 3rd issue. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russ.)
12. Alpatov VM. *History of a myth. Marr and Marxism*. 2004. (In Russ.)

Поступила в редакцию 21.07.2022

Принята в печать 26.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 21.07.2022

Accepted 26.10.2022

Published 25.12.2022